

4. Постановление от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.12.2021).

5. Уддина В. З. Особенности банкротства гражданина в правоприменительной практике. URL: https://asmo.arbitr.ru/files/pdf/vestnik_1_2019_compressed.pdf (дата обращения: 06.12.2021).

6. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.12.2021).

УДК 341.9 (075.8)

Грибанова Светлана Викторовна,
старший преподаватель, Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Российская Федерация
gsv904@ya.ru

Автономия воли сторон договорных отношений, осложненных иностранным элементом: нормативное обеспечение и реализация в правоприменительной деятельности

В статье исследуются отдельные формы проявления автономии воли сторон при определении договорного статута в международном частном праве на основе анализа российского законодательства и сложившейся правоприменительной практики. Показана роль вненациональных источников в регулировании трансграничных отношений, особенности определения применимого права национальными судами и международным коммерческим арбитражем.

Ключевые слова: автономия воли, выбор права, отношения с иностранным элементом, соглашение о применимом праве, международный коммерческий арбитраж.

Gribanova Svetlana Viktorovna,
senior lecturer, Ivanovo State University,
Ivanovo, Russian Federation

Autonomy of the will of the parties to contractual relations complicated by a foreign element: regulatory support and implementation in law enforcement

The article explores some forms of manifestation of the autonomy of the will of the parties in determining the contractual statute in private international law based on the analysis of Russian legislation and established law enforcement practice. The role of non-national sources in the regulation of cross-border relations, the peculiarities of determining the applicable law by national courts and international commercial arbitration are shown.

Keywords: autonomy of will, choice of law, relations with a foreign element, agreement on applicable law, international commercial arbitration.

В международном частном праве свобода выбора правовой системы для регулирования отношений с иностранным элементом, возникающих из заключенных сторонами международных сделок, представляет собой одно из его основополагающих начал (принципов) и интерпретируется как автономия воли.

Автономия воли в частноправовых трансграничных отношениях рассматривается в качестве коллизионного принципа и формулы прикрепления двусторонней коллизионной нормы (*lex voluntatis*), который занимает первостепенное место в договорных обязательствах и получает свое развитие как в национальном законодательстве большинства государств, так и международных договорах. Так, в Договоре между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам 1999 года установлено, что обязательства из договоров определяются в соответствии с законодательством государства, которое будет избрано сторонами [2, ст. 24]. Это правило является генеральной привязкой, имеющей приоритетное применение и позволяющей самим сторонам договора выбрать по усмотрению законодательство любого государства без каких-либо ограничений, в том числе и законодательство нейтрального (третьего) государства. При отсутствии соглашения сторон вступает в действие коллизионное регулирование [4, с. 90].

При этом важно отметить, что упомянутое соглашение не содержит специальных коллизионных норм, посредством которых можно определить применимое право к отдельным видам договорных отношений (к договору с участием потребителя, договору о создании юридического лица, договору в отношении недвижимого имущества, к соглашению об уступке требования и некоторым другим). В ситуации, когда правоприменительная практика испытывает дефицит «нужной» унифицированной специальной коллизионной нормы по определенному вопросу, необходимо руководствуется коллизионной нормой национального законодательства. Соответственно, соглашение о применимом материальном праве должно подвергаться оценке на предмет его исполнимости, «просеиваться» через такие коллизионные нормы российского законодательства, которые ориентированы на отдельные виды трансграничных договоров (ст. 1212–1214, 1216, 1217.1 ГК РФ).

Не исключены императивные нормы международного частного права, которые ограничивают автономию воли сторон и должны применяться к спорным правоотношениям независимо от того, каким правом регулируется договорное отношение в силу соглашения о выборе применимого права. Так, к договору, объектом которого является недвижимое имущество, находящееся на территории Российской Федерации, включая воздушные, морские, речные суда, права на которые зарегистрированы в государственном реестре Российской Федерации, подлежит применению российское право. Возможность для сторон проявить свободное усмотрение и избрать применимое право к договору, где проявляются публичные начала, затрагивается публичный порядок, исключается. Такое жесткое правило должно распространяться не на всякий договор в отношении недвижимого имущества, а лишь такой, который либо сам, либо права

по нему (возникновение, переход, ограничение (обременение) или прекращение), подлежат регистрации в Едином государственном реестре недвижимости или ином государственном реестре Российской Федерации.

Таким образом, автономия воли с точки зрения международного частного права связана со свободой договора, которая реализуется в рамках применимого материального права, и свободой выбора применимого к договору права, которая имеет отношение к коллизионно-правовому регулированию.

В национальном коллизионном праве принцип *lex voluntatis* в договорных отношениях, осложненных иностранной характеристикой, провозглашен и конкретизирован в статье 1210 Гражданского кодекса РФ, правила которой распространяются на все двух- и многосторонние сделки и сводятся к следующим положениям.

1. Соглашение о применимом праве может быть заключено как на начальном этапе установления договорных отношений, так и в любой момент после заключения договора и возникновения разногласий, когда принято решение обратиться за разрешением спора в суд или арбитраж. Если выбор применимого права состоялся после заключения договора, он распространяется и на права и обязанности сторон, которые уже возникли до момента заключения соглашения или его изменения. При этом закон охраняет интересы третьих лиц, не относящихся к правопреемникам сторон и не участвовавших в заключении соглашения, наделяя их возможностью основывать свои притязания по сделке на нормах права, которое применялось бы к договору при отсутствии последующего соглашения сторон о выборе права (первоначальный договорный статут). Выбор права, сделанный после заключения договора, не может привести и к дефектам формы сделки.

2. Соглашение о применимом праве может быть достигнуто посредством прямо выраженной согласованной воли сторон, содержащей указание на определенную правовую систему. Это распространенная практика оформления оговорки о применимом праве в качестве одного из условий договора, рамочного соглашения либо в виде отдельного документа.

Новеллой для российского коллизионного права стала возможность установления воли сторон, выраженной опосредованно. На наличие подразумеваемого соглашения о применимом праве могут указывать содержание иных условий договора или совокупность других обстоятельств дела. Нередко индикатором воли сторон выступает язык контракта, использование в нем выражений, терминов и категорий, свойственных определенной национальной системе права.

Другим обстоятельством, которое может указать на наличие подразумеваемого выбора материального права, служит юрисдикционная оговорка как соглашение сторон относительно места и способа разрешения споров, вытекающих из договора. Сам по себе вне связи с иными условиями договора выбор компетентного суда или арбитража не рассматривается как проявление воли сторон применять нормы материального права, действующие в этом государстве [5, п. 27]. Иное дело, когда в тексте договора имеются прямые ссылки на отдельные гражданско-правовые нормы страны компетентного учреждения (*lex fori*). Часто пророгационные и арбитражные соглашения спорящих сторон со-

держат оговорку о применимом материальном праве контракта, что может свидетельствовать о воле сторон, прямо выраженной.

При наличии длящихся трансграничных договорных отношений с участием одних и тех же лиц судить о выборе применимого права можно, установив связь между заключенными в разное время договорами, когда один из них содержит оговорку о применимом праве, а другой не включает условий, ее отменяющих.

Допустимо конклюдентное проявление воли при наличии начатого составительского судебного или арбитражного процесса: в исковом заявлении истец в обоснование своих требований ссылается на определенные нормы национального права какого-либо государства, а противная сторона в своих возражениях основывается на применении других норм, относящихся к той же системе права.

Получила распространение практика определения договорного статута в зависимости от принадлежности истца либо ответчика к определенной правовой системе («право истца» или «право ответчика» как право, применимое к контракту). До момента подачи искового заявления нельзя установить, какая из сторон контракта выступит истцом или ответчиком, следовательно, при возможных пробелах договорного регулирования есть риск неопределенности применимого права до начала судебного разбирательства. В правоприменительной деятельности такие соглашения рассматриваются как исполнимые, а стороны, заключившие такое соглашение, принимают на себя все нежелательные эффекты до момента подачи первого иска, когда и будет выявляться судом применимое право. Предъявление последующих исков, включая встречные иски, не может изменить договорный статут.

В правоприменительной практике получают признание и альтернативные соглашения, заключаемые на паритетных началах, предметом которых является выбор применимого права из нескольких согласованных вариантов по усмотрению стороны, которая в будущем судебном разбирательстве будет являться истцом.

3. Российское законодательство позволяет участникам договорных отношений воспользоваться приемом, который получил в доктринальной литературе название «расщепление» обязательственного статута [1, с. 170]. Если стороны сочтут рациональным, они могут нарушить целостность договорного статута, подчинив отдельные части договора действию норм права разных государств. Однако важным представляется согласованное и гармоничное сочетание таких правовых норм в отношении одного договора, недопущение возможности признания договора или его части недействительным или незаключенным. Если избежать противоречий и нежелательных правовых последствий не удастся, суд объявляет выбор права нереализуемым и применяет соответствующую коллизионную норму. Аналогичное решение коллизионного вопроса будет и в ситуации, когда стороны не конкретизировали, к какой части контракта применяется избранное право, а в целом указали на законодательство (право) нескольких государств.

Стороны международных договоров, формулируя условие о применимом праве, могут использовать различные слова и их сочетания, позволяющие как сузить, так и расширить перечень применяемых источников избранного права существующего государства в их изменяющемся виде. Так, в качестве применимого возможно указание как на «право Российской Федерации», «российское право», так и на «нормативные акты Российской Федерации», «нормы российского права», «российское законодательство». Последняя формулировка позволяет намеренно исключить из категории применимого права нормы международных соглашений, ограничиваясь внутренними источниками права России.

Современной тенденцией международной коммерческой практики стало использование в качестве *lex contractus* правил, рекомендованных участникам гражданского оборота международными организациями или межгосударственными объединениями. Это разнообразные средства негосударственного регулирования, которые могут применяться при заключении и исполнении договоров. *Lex mercatoria* или нормы современного права международной торговли характеризуются как «мягкое право» (*soft law*). Среди этих источников можно выделить Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, Принципы европейского договорного права, Модельные правила европейского частного права. Такие рекомендованные правила применяются при наличии прямо выраженного соглашения сторон.

Выбирая *lex mercatoria*, участники трансграничных договорных отношений тем самым выражают свое намерение исключить применение к их отношениям норм национального права какого-либо государства, которые ориентированы на упорядочение отношений внутри страны и не учитывают особенности заключения и исполнения международных коммерческих сделок. В научной литературе такое намерение сторон называют «соглашением о негативном выборе права».

Гражданский кодекс РФ устанавливает дифференцированный подход к решению проблемы выбора тех источников, на основании которых будет определяться применимое право национальными судами и международным коммерческим арбитражем. Так, государственный суд, разрешая спор из договора, осложненного иностранным элементом, применяет как общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы международных договоров, так и нормы российского и иностранного гражданского права, обычаи, признаваемые в Российской Федерации. При разрешении спора международным третейским судом приоритет отдается тем нормам права, которые стороны сами выбрали в качестве применимых к существу спора [3, ст. 28]. Это означает, что стороны могут остановить свой выбор не только на нормах национального права какой-либо страны во всем многообразии их форм выражения, но и таких нормах, которые имеют наднациональный характер (*lex mercatoria*).

Таким образом, при разрешении трансграничных споров суд и арбитраж выявляют действительную волю сторон, направленную на согласование применимого права, и лишь усмотрев отсутствие соглашения, применяют соответствующие коллизионные нормы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 640 с.
2. Договор между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Улан-Баторе 20.04.1999) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 22. Ст. 2490.
3. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 25.12.2018) «О международном коммерческом арбитраже» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть 1). Ст. 8411.
4. Международное частное право : учебник : в 2 т. Т. 2. Особенная часть / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. М. : Статут, 2015. 764 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

УДК 347.4(075.8).

Зайцев Леонид Николаевич,
старший преподаватель, Костромской государственной
университет,
г. Кострома, Российская Федерация
l_zaycev@ksu.edu.ru

Деликтная ответственность в российском частном праве: вопросы теории и проблемы правоприменительной практики

Исследование посвящено одному из таких правовых средств, как реализация государственными органами институтов гражданско-правовой ответственности и обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью. Проведенный анализ судебной практики выявил некоторые проблемы, которые отрицательно влияют на процесс восстановления нарушенных прав потерпевших. Для их разрешения автором предлагается внесение изменений в действующие нормативно-правовые акты.

Ключевые слова: деликтная ответственность, реализация права, защита прав и свобод, возмещение морального вреда.

Zaitsev Leonid Nikolayevich,
senior lecturer, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Tort liability in russian private law: questions of theory and problems of law enforcement practice

The study is devoted to one of such legal means as the implementation by state bodies of institutions of civil liability and obligations due to harm to life and health. The analysis of judicial practice revealed some problems that negatively affect the process of restoring the violated rights of victims. To resolve them, the author proposes amendments to the existing regulatory legal acts.